

ПРАВО НА ДЕТСТВО –
ПРАВО ЧЕЛОВЕКА

РАЙНЕР ПАТЦЛАФФ

ДЕТСТВО УМОЛКАЕТ

ПОТЕРЯ РЕЧИ И ЗАБОТА О СОХРАНЕНИИ РЕЧИ В ЭПОХУ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ИЗДАНО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОБЪЕДИНЕНИЕМ ВАЛЬДОРФСКИХ ДЕТСКИХ САДОВ

Детство умолкает.

Потеря речи и забота о сохранении речи в эпоху средств массовой информации.

В цивилизованных странах считается естественным, что каждый выпускник школы может читать и считать. Но реальность выглядит иначе. Именно в высоко развитых, богатых промышленных странах мира все шире распространяется новая форма неграмотности, которую называют *функциональным анальфа-бетизмом* или *постанальфабетизмом*.

Речь идет о людях, которые, хотя и имеют законченное школьное образование, не научились читать и писать или снова разучились. В США их число в 1994 году уже достигло 70 миллионов, что составляет 28% от численности населения. К этому числу необходимо добавить еще миллионы тех, кто, хотя и могут читать, читают неохотно или вовсе не читают. По данным международных исследований количество нечитающих в большинстве стран - членов Организации экономического

сотрудничества и развития (ОЕСД) в общей сложности составляет примерно 1/3 общего населения. Катастрофические последствия этого явления в общественной и культурой жизни очень впечатляюще описал Барри Сандерс в 1995 году в своей книге «Потеря культуры речи». Они потрясают нас всех, но это еще не все.

Едва только начали осознавать проблему снижения способности читать и писать, как обнаружилась еще одна, которую доселе невозможно было себе представить - задержка в развитии культурных способностей человека. Широкие круги населения не только теряют способность к овладению письмом, но и постепенно теряют способность к разговорной речи. Как ни парадоксально это звучит - речь умолкает.

В статье журнала «Шпигель» №38 за 1993 год Иоахим Кучке нашел для этого явления горькое выражение: «В немецких семьях, или в том, что от них

осталось, будь то дома за обеденным столом, в транспорте - везде упорно молчат. В крайнем случае применяются еще обычные функциональные наставления: «Не задерживайся!», «Не трогай!», «Поторопись!». Односложные ответы младшего: «Да, нет, да» - конец диалога. (...)

Кто уже в раннем детстве привык к тому, что его нянчит и утешает телевизор, тот, очевидно, будет молчать и тогда, когда подрастет. Стало быть, средства массовой коммуникации все больше заставляют нас молчать и порождают поколение немых зомби?»

Как сообщает в 1993 году Конрад Адам, опытные школьные учителя выражают озабоченность тем, что их первоклассники вообще не могут пользоваться речью: «Детям было очень сложно понять указания, выполнить их и рассказать о том, что произошло. Между тем, кто еще смог вырасти в более удачных, а значит нетипичных условиях, даже не представляет себе, что в наше время во многих семьях в течение дней и недель не услышишь ни слова».

Согласно сообщению в прессе в 1996 году проблема тем временем достигла таких размеров, что в Великобритании вынуждены были подготовить дополнительную программу, чтобы «научить учеников начальных классов, как нужно здороваться или как спросить дорогу».

НАРУШЕНИЯ РАЗВИТИЯ РЕЧИ В ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ.

Молчаливое состояние семьи в повседневной жизни и перед экраном телевизора имеет драматические последствия для овладения речью маленьким ребенком. Уже давно бьют тревогу врачи, которые в силу своей профессии имеют дело с нарушением речи и слуха в детском возрасте, с тех пор, как в 1988-92 г.г. фонатор из Майнца Мапфред Хайнеманн, при помощи новых методов обследования натолкнулся на неожиданно большое количество детей трех с половиной, четырех лет, нуждающихся в лечении. В среднем, у 25% детей было обнаружено нарушение развития речи. Половина из них была с легкой степенью нарушения, а по 1/4 соответственно со средней и тяжелой степенью нарушения. Сначала этот результат казался невероятным, поскольку десять лет тому назад сопоставляли результаты исследований и столкнулись лишь с 4%, что соответствовало также многолетним опытными данным. Цифры проверили еще раз, но они остались прежними. За десять лет показания увеличились более чем на 20% - поистине ужасающий диагноз.

Между тем было проведено много других исследований. Этой теме были посвящены национальные и международные конгрессы логопедов, но показатели не изменились. Сегодня нам нужно исходить из того, что в

среднем каждый третий или четвертый ребенок дошкольного возраста страдает замедленным развитием речи или его нарушением, независимо от уровня образования или от принадлежности к определенным социальным слоям. Дети академиков точно также поражены этим недугом, как и дети работников сферы обслуживания.

Впрочем, выясняется, что нарушение речи может сказаться на всеобщем развитии ребенка, его моторной и сенсорной физиологии. Даже несколько лет спустя после терапевтического лечения у большинства детей обнаруживается еще явный недостаток развития. Так например, по результатам ряда исследований, проводимых среди учащихся третьих и четвертых классов, прошедших за четыре года до исследования курс терапии в связи с соответствующими нарушениями речи, оказалось, что 44% из них все еще отстают в развитии, у 36% сложности с правописанием. Хуже была сформирована и кратковременная память, намного труднее удавалось построение предложений. Плюс ко всему у таких детей в большинстве случаев наблюдались еще и ограничения функции моторики. Таким образом, нарушения развития речи могут сказаться стойкими осложнениями на всем предстоящем пути развития ребенка.

«Поговори со мной!»

Тысячелетиями речь была таким же естественным окружением человека, как и воздух, которым он дышал.

Дети осваивали речь сами по себе и это казалось природным даром. Но теперь это не так. В 1997 году одна из ведущих в Германии касс по нетрудоспособности была вынуждена издать книгу под названием «Поговори со мной!». Целью этого издания было ни что иное, как дать родителям импульс говорить со своими детьми! Причина была ясна. Кассы по нетрудоспособности в скором времени не могли бы оплачивать пребывание каждого третьего или четвертого ребенка в логопедической школе, не говоря уже о том, что не хватало бы специалистов, чтобы сдерживать этот натиск.

Поэтому все обозреватели были единодушны: «Необходима профилактика!»

Но для этого нужно было познать причины, а они выявились во всем многообразии. Такие специалисты, как Мапфред Хайнеманн, о котором уже упоминалось выше, и Тео Борбонус (руководитель логопедической школы в городе Вуперталь) подчеркивают, что увеличивающееся нарушение развития речи в наше время меньше объясняется медицинскими факторами, а больше изменившимися социально-культурными условиями, в которых дети вырастают. А что касается причин возрастающего среди детей ухудшения слуха, ими бесспорно являются органические нарушения. Однако, как считает Хайнеманн, а с ним единодушны врачи и терапевты, главная причина - в отсутствии разговора между родителями и детьми и, соответственно, в увеличивающемся нарушении развития речи.

«У родителей сегодня меньше времени для своих детей. В среднем у матери остается около 12 минут в день, чтобы действительно поговорить со своим отпрыском», - сообщает Борбонус и добавляет: «Высокая безработица растущее давление конкуренции и рационализм, болезненные переломы в системе социального обеспечения - все это делает человека более холодным, лишает его мужества и дара речи».

«ТЕЛЕВИДЕНИЕ ВРЕДИТ РАЗВИТИЮ РЕЧИ.»

Телевизор поглощает все больше времени как у родителей, так и у детей. В Германии среди взрослого населения это время с 70 минут в среднем в день в 1964 году увеличилось до 201 минуты в наши дни (причем здесь учтено лишь время чистого просмотра. Продолжительность времени когда телевизор включен еще намного больше). На практике это означает «немой

эфир» между родителями и детьми примерно 3,5 часа в день. От свободного времени работающих родителей едва ли может что-то остаться для ребенка. И как следствие - растущее число детей, «осчастливленных» собственной аппаратурой, и тогда, как утверждают современные статистики, время просмотра передач достигает 3-х - 4-х часов в день.

Особенно внушает опасение то, что уже маленькие дети 3-5 лет смотрят телевизор в среднем два часа в день. А некоторые от 5 до 6 часов в день. К тому же Хайнеманн замечает, что именно эти дети смотрят *дополнительно* видеофильмы, играют с геймбоем или с компьютером. Стоит ли потом удивляться их речи и тому, что им требуется лечение в логопедической клинике.

Между тем, развитию речи ребенка наносит ущерб не только молчаливое просиживание перед экраном телевизора. Хайнеманн критически относится к тому, что и средства массовой информации, с их преувеличенным вниманием к «картинке», оказывают на него крайне неблагоприятное воздействие. Он напоминает, что «сами передачи для детей часто очень далеки от реальности», а мелькание смонтированных фрагментов видеоряда, часто не дает возможности ребенку уследить за действием. Часто передачи стереотипны, не побуждают собственную фантазию ребенка и его творческие способности.

ФАТАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НЕТОЧНОЙ МОДЕЛИ МЫШЛЕНИЯ.

По всему видно, что проблема глубоко коренится в общих привычках и жизненных взаимоотношениях нашего времени. Нарушения развития речи - это только вершина айсберга, который начинает угрожать нашей общей культуре и цивилизации. Для исправления погрешностей в развитии необходимо приложить всевозможные усилия. Надежда на успех будет мала, если нам не удастся решительно изменить наши собственные привычки в мышлении. К ним, прежде всего, относится попытка понять при помощи чисто технической модели

Соответственно в играх с ровесниками речь ребенка скудна, ограничена восклицаниями, имитацией шума, предложения фрагментарны и лишены связи. Речь сопровождается подергивающимися механическими движениями.

К тому же просмотр телепередач отвлекает детей от спонтанных творческих игр, а это грубо мешает их развитию. Ведь таким образом тормозится их инициатива и активность, такие необходимые для развития органов чувств, тонкой и грубой моторики. Борбонус предостерегает о том, что отсутствие в окружении ребенка смены разнообразных впечатлений может помешать развитию его головного мозга, погубить творческие способности, фантазию и интеллект. По результатам многолетней педагогической практики он установил, что нынешние дети за недостатком первоначального опыта все больше испытывают затруднения в развитии органов чувств, таких как тепла, равновесия, обоняния, вкуса, осязания и движения. Недостаток подходящих площадок для игр в больших городах и занимательного окружения усугубляет дефицит развития. Поэтому Борбонус за такое окружение ребенка, которое способствует его развитию. Его резюме: «Необходимы человеческое тепло, игры и движения».

передатчика и приемника, ввода и вывода, всё, что связано с речью и слухом, как будто бы речь идет об обмене информацией между двумя компьютерами. Такое понимание речи получило широкое распространение в современной науке и не смогло придать должного значения сложному процессу обучения речи маленького ребенка. Следовательно телевизионные передачи - идеальное средство обучения для маленьких детей, и кроме него ничто не сможет лучше стимулировать развитие их речи.

Удивительно, как такое понимание проходит мимо действительности. Общественность могла убедиться в этом, когда одна из ведущих ученых Англии в области

развития детской речи Селли Вард опубликовала в прессе в 1996 году результаты своих десятилетних исследований. Она установила, что, если родители в качестве няни используют телевизор, то у 20% исследованных детей в возрасте 9 месяцев проявляется задержка в развитии. Если эти дети продолжали смотреть телевизор, то у большинства из них в трехлетнем возрасте уже была задержка в развитии в один год, у них была речь двухлетнего ребенка, причем нарушено было их общее дальнейшее развитие. Но если родители поступали здраво и выключали телевизор в пользу непосредственного контакта с ребенком, то 9-месячного ребенка только через четыре месяца снова можно было вернуть к нормальному уровню развития. Благодаря лишь живой речи родителей!

В 1990 году некоторые ученые поддержали еще один ужасный эксперимент с мышлением, желая детей в возрасте до одного года обучить речи исключительно при помощи электронных средств информации. Теперь этот эксперимент стал ужасной действительностью. Он учит нас, что речь, воспроизводимая технической акустической системой, не имеет такого воздействия на ребенка, как речь взрослого человека при непосредственном общении с ним. Речь, воспроизводимая технической акустической системой, отбрасывает ребенка в его развитии. Из уст матери речь действует с таким обновлением и поощрением, что ребенок сам может исправить возникшие дефекты речи.

Таким образом, научные исследователи должны задать себе вопрос: «Чем отличается речь, воспроизводимая технической акустической системой, от реальной живой речи?». С точки зрения физики вроде бы и не существует никаких различий. Но как, же получается, что технически воспроизводимая речь разрушает функции головного мозга ребенка, в то время, как речь реальная восстанавливает их?

РЕЧЬ НЕ ТАКСИ.

Языковедение привыкло видеть в речи человека ни что иное, как средство передачи информации от «передатчика» к «приемнику». Однако у такого понимания, возникшего уже в XIX столетии, есть серьезные последствия. Если речь идет только о содержании, которое нужно передать, то произнесенное слово в этом случае не имеет своего особенного значения, поскольку информация может достичь цели при помощи различных средств - письма, знаков, образов, жестов. Для информации абсолютно никакого значения не имеет, какая среда будет выбрана. Точно так же, как для пассажира безразлично, какой марки такси даймлер, вольво или форд доставят его на вокзал.

Но для ребенка, которому предстоит освоиться с миром речи, ни в коей мере не безразлична среда. Ведь только благодаря обращенному к нему слову он может стать человеком в истинном смысле слова. Причем, в первую очередь здесь подразумевается не передача информации, а совсем иная деятельность, имеющая гораздо большее значение. Прежде, чем маленькому

ребенку удастся сформулировать одно единственное предложение, ему необходимо научиться владеть в совершенстве более ста мышцами, участвующими в процессе речи и координировать их. Этот процесс чрезвычайно сложен. Со степенью его сложности несравнимо никакое другое движение, которое обычно усваивает человек. В свою очередь, этот процесс является лишь частью той борьбы, которая длится годами и при помощи которой ребенок ищет одержать победу над своим телом. С первого дня жизни он с невероятной энергией тренирует различные двигательные функции тела и их совместную игру, начиная с функции глаз, рук, и заканчивая выпрямлением, стоянием, ходьбой, тонкой моторикой рук и пальцев. Этот «человек движения» трудится над мышечной системой всего тела и из его деятельности как зрелый плод возникает артикуляция звуков и речи.

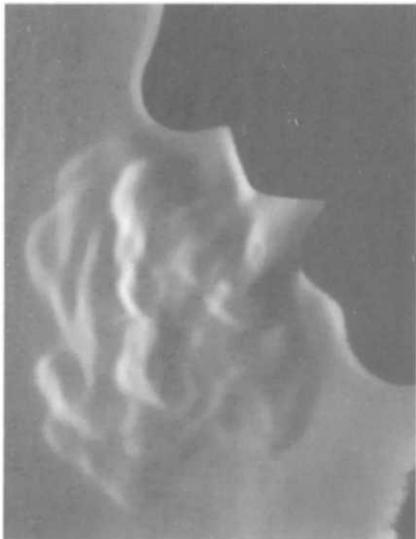
РЕЧЬ - ЭТО ИСКУССТВО ДВИЖЕНИЯ.

За звуками речи кроется не колебание мембраны, а виртуоз движения, который с величайшим старанием настраивал свой телесный инструмент до тех пор, пока тот не начал без видимых усилий извлекать с потоком выдыхаемого воздуха множество тонов и оттенков речи.

Эта деятельность остается в подсознании, и, если бы мы понаблюдали за ней, то обнаружили бы, что она постоянно создает *пластические формы* подобно скульптору, который обрабатывает дерево или камень. Только здесь речь идет о мягких, подвижных мышцах, из которых постоянно образуются новые формы. Чтобы произнести звук, недостаточно послать воздух через гортань и, выпустив изо рта, заставить звучать. Когда звук устремляется наружу, на его пути попадает много рельефных полостей - трахея, горло, роговая полость - это. своего рода, русло. Его форма молниеносно изменяется под действием мускулатуры нёба, языка, подбородка, губ и в зависимости от того, МХОМ звук должен возникнуть. Когда поток воздуха проходит между губами, он не только звучит, но и несет в себе особенную тенденцию к формам, зависящую от обстоятельств и от особенностей формы пролагаемого русла. Эти формы отпечатываются в воздухе с наружной стороны рта. Из внутреннего рельефа мышц возникают пластические формы воздуха.

Рудольф Штайнер в 1924 году первым указал на эти невидимые воздушные формы, возникающие перед устами говорящего. Учительница из Дрездена Иоанна Цинке проявила инициативу и доказала в результате исследований на протяжении многих десятилетий, что фактически каждый звук образует перед ртом характерную форму из воздуха, которая закономерно повторяется. Чтобы сделать формы видимыми и запечатлеть их на фото, она прежде всего воспользовалась естественной конденсацией в холодном воздухе. Позже она работала с сигаретным дымом, который вдыхался перед тем, как начать говорить. Съемка осуществлялась при помощи теневого прибора Теплера и интерферометра.

Но полная картина происходящего возникла лишь тогда, когда «воздушные формы звука» были сняты при помощи скоростной видеокамеры. Здесь можно было проследить, как за доли секунды образуются формы, каждая вначале

небольших размеров, затем размеры увеличиваются до максимальных и формы снова исчезают. Темп меняется в зависимости от обстоятельств, но неизменным остается жест. Каждый звук являет себя в виде струящейся пластики.

Таким образом, речь это, прежде всего созидающий формы процесс движения. Образуются динамические формы. В течение нескольких секунд они еще парят местами в воздухе, после чего раздается звучание самых длинных соответствующих звуковых волн. Но одновременно с каждым звуком все тело говорящего совершает определенные движения, незаметные для невооруженного глаза. Эти движения были обнаружены еще молодой наукой *кинесикой*, когда снимали скоростной видеокамерой говорящего человека и подвергали затем микроанализу отдельные изображения. Как оказалось, эти филигранные движения совершаются синхронно акту речи и затрагивают с головы до ног всю мышечную систему тела.

СЛУШАЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК ТАНЦУЕТ ВМЕСТЕ СО ЗВУКОМ.

К своему великому удивлению кинесика вынуждена была констатировать, что слушающий со своей стороны отвечает на воспринятую речь, но с минимальным отставанием во времени от 40 до 50 миллисекунд, повторяя точно те же филигранные движения, которые говорящий осуществляет неосознанно. При этом

осмысленная реакция исключается. Кондон, открывший это явление, описывает удивительную синхронность движений говорящего и слушающего так: «На изображении выглядит так, как будто бы все тело слушающего точно и плавно, как в танце, сопровождает высказываемую речь».

Даже если с физической точки зрения между двумя процессами нельзя установить никакой связи, в действительности это так, как будто бы говорящий и слушающий двигаются в одной общей среде ритмического движения. И как показали повторные испытания, это утверждение относится исключительно к звукам речи и не относится к шумам и бессвязным гласным звукам. С другой стороны, произносимая речь может быть любой. Как установил в США Кондон, ребенок двух дней от роду реагирует на китайскую речь точно так же, как и на американскую, с точно соответствующими микродвижениями.

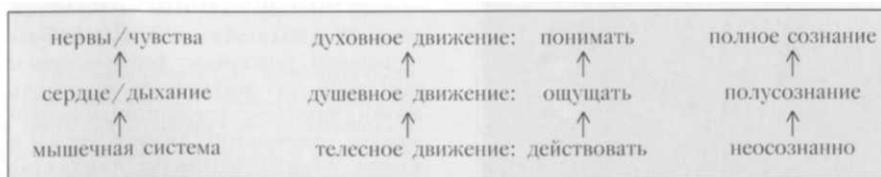
Из этого видно, что слышимая речь, прежде всего, охватывает неосознанно *человека движения*. Как танцор втягивается он непосредственно всем своим телом в оживленно струящийся, пластичный процесс движения речи. При этом он не стремится предварительно осознать, зарегистрировать, пережить и обработать звук. При 0,04 секундах не остается времени для мыслительного анализа, а тем более для душевных переживаний.

РЕЧЬ ПРОНИЗЫВАЕТ ЗВУЧАНИЕМ ВСЕГО ЧЕЛОВЕКА.

Здесь мы касаемся самих основ речи, её самого элементарного слоя, именно того места, где речь идет о чистом движении. Источником всего, что в итоге составляет речь, является движение. Она сама по своей сути не может ничего иного, как только смягчать твердость и неподвижность *углов* и *выступив*, превращая их и плавный процесс движения мышц и воздушных звуковых форм, который продвигается дальше, постоянно превращаясь из К в А. из Н в Т и Е. Этот процесс движения достигает мышц и конечностей слушающего человека и захватывает их. В буквальном смысле слова человек слушает всем своим существом. Когда гортань одного человека говорит и поет, гортань другого постоянно прodelывает с собой все то же самое.

Но это только первый шаг в процессе слушания. В следующий момент движение чисто мышечной деятельности поднимается к ритмической системе сердца и легких. Каждый говорящий может наблюдать, что там оно вызывает у слушающего напряжение и расслабление, ускорение и замедление естественного ритма. Теперь эти тонкие отклонения захватывают и душу и живо воспринимаются ею. Движение тела превращается в движение души. Из области подсознания, подобной состоянию глубокого сна, мы поднимаемся в область полусознательных грезящих чувств.

И только с третьим шагом движение достигает нервно-чувственного полюса головы. Здесь оно вторично претерпевает превращение, в этот раз, становясь

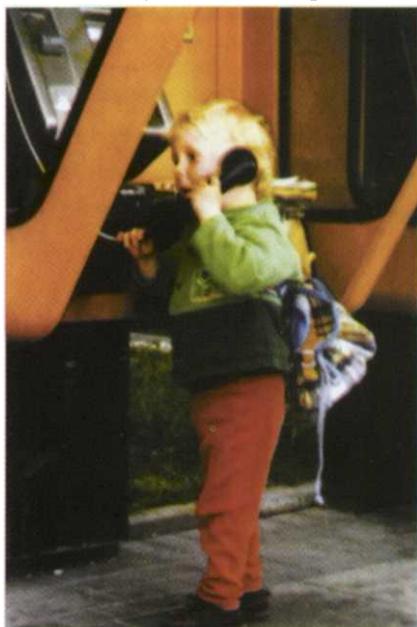

движением духовным. Оно выступает в бодрственном сознании в виде понятия или представления. В этой понятийной сфере, *выступ возникает, как нечто твердое, неподвижное*, в то время, как в теле процесс образования звуков был еще чистым движением, а в душевной плоскости - волнующим ощущением. Таким образом, речь пронизывает звучанием все существо человека и именно снизу вверх, а не наоборот (см. схему)

ПРОЦЕСС ОВЛАДЕНИЯ РЕЧЬЮ И ОБРАЗОВАНИЕ ГОЛОВНОГО МОЗГА.

На этих ступенях снизу вверх осуществляется процесс слушания.

Одновременно они являются вехами пути, по которому предстоит пройти в целом ребенку, когда он вживается в речь. И отправной пункт здесь тоже нужно искать не в голове, которая все холодно регистрирует, а в полностью бессознательной самоотрешенной деятельности тела. Эта деятельность осуществляется *одновременно* с речевыми движениями говорящего и. таким образом, мы должны будем внести поправку в привычное представление о детском подражании. Речь идет не о подражании (*Nach-ahmung*), а, если можно так выразиться, о совместном действии (*Mit-ahmung*). Упомянутый выше случай с американским новорожденным, у которого тело двигалось синхронно звукам китайского языка точно так же, как и английского, показывает нам, как в действительности осуществляется процесс. Ребенок не застывает неподвижно, а прислушивается к доносящимся звукам речи, чтобы затем попытаться их осуществить посредством собственных

двигательных усилий. С первого же момента он включается всей своей телесностью в процесс движения звуков, некоторым образом бессознательно. Он очень точно и со всей закономерностью «протанцовывает» поток речи взрослого человека, не прибавляя ничего от себя. Название исследовательского доклада Кондона звучит как логическое завершение: «Движение новорожденного осуществляется синхронно речи взрослого человека». Это не имеет еще ничего общего с чувствами и с мышлением, а представляет собой чистую деятельность, формообразующее движение. Из этого движения ребенок формирует свою речь.

Но если мы хотим правильно развивать речь ребенка, нам необходимо осознать, что в процессе обучения речи кроется глубокое таинство. Когда ребенок учится формировать звуки, он одновременно работает над формированием головного мозга, который своего полного развития достигает благодаря этому процессу. В этот период закладывается основа всего будущего интеллекта и решающая роль здесь принадлежит взрослому человеку. Известно нам об этом или нет, но своей речью мы воздействуем на телесность ребенка и влияем таким образом на возможность его душевного и духовного развития в последующей жизни. Кто из нас осознает эту величайшую ответственность, когда говорит с ребенком?

ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ – АУТИСТ.

Ни один из громкоговорителей не может взять на себя эту ответственность. Оказывается, он вообще безнадежен и не в состоянии справиться с задачей, когда это касается самого раннего детства. В его звучании как раз отсутствует тот решающий фактор, от которого зависит развитие речи - человек со своей конкретно направленной речью. Обладая силой воздействия на глубины подсознания, речь придает форму мышцам и тем самым дает возможность возникнуть звукам, которые с потоком выдыхаемого воздуха, пронизанного насквозь теплом и влагой, создают подвижные пластичные формы из окружающего воздуха. Здесь трудится формирующая *воля*, пробуждая волю ребенка к образованию звуков. Ведь только воля зажигает волю, только действенное Я пробуждает Я ребенка и заставляет его активно овладевать инструментом речи до тех пор, пока не будут полностью сформированы её функциональные качества. То, что языковедение обозначает пресным словом интеракция, оказывается духовным событием между Я и Я, направленным от одной воли к другой как сила, действующая из духовных высот до глубин физических процессов, как у ребенка, так и у взрослого человека.

Этих масштабов громкоговорителю полностью недостает. Он не в состоянии образовывать воздушные

звуковые формы. Ничего, кроме звуковых волн и механических колебаний мембраны он не производит. Эти колебания ни к кому не обращаются и ни от кого не ожидают ответной реакции. Несмотря на то, что дети на такие звуки реагируют микродвижениями своего тела, их собственная звукообразующая *воля* не задействована и потому не происходит развития полноценной речи. И данные Селли Вард убедительны. Громкоговоритель есть и остается аутистом. для развития ребенка он ничего не даст.

МУЗЫКАЛЬНОСТЬ РЕЧИ – ЖИЗНЕННЫЙ ЭЛЕМЕНТ РЕБЕНКА.

Речь жива общностью. Кинесикой было установлено, что, как только один заговорит, а другой прислушается - оба погружаются в сферу движений и струящихся форм. Она их охватывает и омывает как формообразующее море. Однако эта общая сфера охватывает не только речь как таковую, а и все, что в речи можно назвать музыкальным: мелодию предложения и ударение, оттенок звучания и интонацию, ритмическую структуру, высоту звука, оттенки голоса, речь громкую и тихую, быструю и медленную. Все эти элементы речи оказывают на ребенка гораздо большее влияние, чем содержание сказанного.

Дети чувствуют себя в своей стихии везде, где в единый поток сливаются пение и игра, речь и движение. С полным основанием, они жаждут свои песни и стихи, строчки и хоромы услышать не один раз, а повторять их все снова и снова. Ведь для них важна не понятийная информация, которую достаточно было бы сообщить один единственный раз, а действующая в потоке времени сила музыки слова. И в созвучии с тем, какие формы и образования она создает, дети строят свой организм. Чтобы питать тело, мы периодически должны есть и пить. Точно так же благодаря ритмическому повторению живет «речевой организм» ребенка. Дети даже сами придумывают множество звуковых композиций, в которых живет лишь музыкальность речи, радость ритма и ничего больше. В качестве такого примера приведем считалку.

Эннэ дэннэ дуббэ дэннэ
Дуббэ дэннэ даллиа
Эббэ бэббэ бэмбио
Био био буфф!

Эта считалочка не обременена понятийной информацией. Её волшебное звучание, приятный

равномерный ритм каждого слова завораживает ребенка и погружает в мечтательное состояние. И в конце внезапно пробуждает: тебя отыскали, теперь ты отыщи и поймай. Кто хочет детям сделать добро, должен сознательно привлекать их к таким речевым и подвижным играм, которые у них раньше получались сами по себе. При выборе детской литературы не стоит так сильно обращать внимание на мыслительно-понятийное качество текста, а лучше на музыкальную ритмичность языка, на образность слова, на художественную композицию предложений. Это и есть та настоящая пища, которую дети вкушают с удовольствием. Может быть надо самому стать снова немножко ребенком, чтобы прийти в восторг от музыкальности поэтической речи и ощутить её целительную, восстанавливающую силу. Тогда можно почувствовать, что означает пребывать в сфере созидающих, творческих жизненных сил, где ребенок всем своим существом чувствует себя как дома.

СЛОВЕСНЫЕ ОБРАЗЫ – СИЛА, ФОРМИРУЮЩАЯ ДУШУ.

Однако, следуя изначальному закону всего развития, эти жизненные силы преобразуются в силы более высокого порядка. Как только завершается их работа над физической организацией тела и уже созданы её важнейшие функции, постепенно прямо-таки приглушается магическое действие речи на детское тело и вместо этого она действует теперь творчески и формообразующе в области фантазии и внутренней силы воображения. Подобно тому, как отдельный звук бескорыстно отдает себя в распоряжение слова и в определенной степени исчезает в нем. так и, начиная с третьего-четвертого года жизни, созидательная сила звука отступает за душевное переживание *образа*, который вычаровывается из соединенных в слове звуков. До самого младшего школьного возраста детям доставляют удовольствие ритм, фонетические шутки, звучание речи и музыка слова. По-видимому, сила звука продолжает действовать и дальше, но скрытно. На передний план все больше выступает переживаемый в звуковой композиции образ. И чем непосредственнее возникает сам образ из живописных звуков, тем более правдивым и живым является он для ребенка. Поясним это на двух примерах.

В сказке «Бременские музыканты» осел обращается к убегающей собаке с такими словами: «Что ты так запыхался, Пакан* (Хватай)?» Дети видят внутренне перед собой образ бранящейся собаки с высунутым языком. Благодаря живописности звуков, они понимают его непосредственно. При слове *Пакан* появляются и становятся явью острые зубы. Благодаря звукам П и К можно хорошо увидеть пасть с острыми зубами. Здесь звуки рисуют в душе ребенка совершенно конкретные образы, которые он постигает, в некоторой степени, при помощи чувств. И насколько богата сама действительность, настолько речь способна каждый предмет и каждое существо назвать своими именами.

Так к кошке жалкого вида осел обращается совсем иначе, чем к собаке: «Что с тобой приключилось, Котофеич?» Можно ли иначе характеризовать элегантность кошки, поглаживающей с удовольствием мордочку бархатной лапкой, как не при помощи подчеркнутых губами и зубами ряда согласных звуков «Котофеич»? Из звуков вырастает образ и приводит детей в восторг.

Но взрослым очень важно знать, что этот образ совсем иного качества, чем телевизионный. Телевизионный образ заготовлен заранее и выстреливается извне на сетчатку глаза. Этот же - активная творческая работа, так как ребенок формирует его при помощи творческих сил своей души. Образ, созданный при помощи технических средств, навязывается принудительно и тормозит внутренние творческие силы ребенка, а, вместе с тем, и существенную часть его душевно-духовного развития. Устойчивые способности образуются лишь благодаря напряженной собственной активности.

НОВЫЙ «ОТТЕНОК» В СЛОВАХ.

Как много значила речь для формирования телесных органов в самые первые годы жизни ребенка, так и для всей его последующей жизни и формирования душевных органов имеют большое значение фантазия и силы воображения. Но в наше время дети едва ли могут найти для этого подходящую среду. Мы даже сами не осознаем того, что обычное употребление слов стало в высшей степени абстрактным. По этой причине для здорового развития ребенка имеет большое значение забота взрослого о конкретной образной речи. Можно приучить (воспитать) самого себя хоть иногда прислушиваться к образу, незаметно дремлющему в каждом слове.

Чтобы заметить этот образ, порой достаточно лишь небольшого толчка в сознании. Вдруг начинаешь понимать и постигать, тебе становится ясным и ты вспоминаешь, что в слове упрямый (*hartnackig*) подразумевается «крепкий затылок» (*ein harter Nacken*). Правда, многие образы уже настолько поблекли, что при всем желании их не узнать. В этом случае на помощь может прийти этимологический словарь и указать на происхождение и первоначальное значение слова. Ваши старания будут вознаграждены. Кто, например, мог бы сказать, какой образ кроется в слове *Treue* (верность, преданность). Наука о языке учит нас, что *Treue*

происходит от древнего индоевропейского слова, которое обозначало *сердцевину дуба!* Чтобы понять значение этого слова здесь не поможет никакое научное определение.

Разумеется, этимологические словари, позволяют иногда самому раскусить твердый орешек. Если, например, начать искать первоначальный образ в слове *denken* (мыслить), то обнаружишь, что оно родственно слову *denken = scheinen* (казаться) имело значение «*einen Schein machen*» (делать вид). Что имеется в виду, становится понятным лишь тогда, когда слово *Schein* (*видимость*) понимать не головой, абстрактно, а чувственно-конкретно, как *Lichtschein* (*сияние света*). Тогда у слова *denken* появляется значение «зажечь внутри себя свет».

Аналогично обстоит дело с глаголом *weiden* (становиться). По своему происхождению он родственен латинскому слову *vertere*, что означает *поворачивать, переворачивать*. Но что общего у становиться и переворачивать? Ответ на загадку мы найдем, когда узнаем, что *vertere* в латинском языке еще может иметь значение *пахать*. Крестьянин «поворачивает» глыбы земли и делает её плодородной для нового посева, а это означает, что он переворачивает ранее невидимый слой земли, делая его видимым и наоборот. Точно также «поворачивается» однолетнее растение ранней весной из состояния невидимости в видимое, а осенью снова в невидимое.

Когда взрослый будет при случае совершать экскурсы в историю слова, он начнет конкретно слышать, его речь тоже очень скоро станет более конкретной, смелой, насыщенной образами. И, чем больше он будет «наслаждаться» жизненными соками слова, тем питательнее будет его речь для детской души. Внешне в словах совсем ничего не должно измениться, но тем не менее, по выражению Рудольфа Штайнера, в них вибрирует «оттенок», доходит до самого сердца и создает новое сходство.

С началом периода полового созревания отношение к речи становится совсем иным. Подросток придирчиво отбирает в речи понятийные структуры, законы логики и начинает ими виртуозно жонглировать. Устная речь его не привлекает, как раньше. Он поднимается в сферу чистого мышления, где математики всех стран и народов добиваются одинаковых, неоспоримых результатов. Но это иная тема и мы не будем ее здесь касаться.

В НАЧАЛЕ СЛОВО.

Наше размышление показало нам, какое непредвиденное значение для всей жизни подрастающего человека имеет творчески действующее слово. Оно, как скульптор, ваяет физические органы маленького ребенка, душевным силам дает форму и жизнь, а в юношеском возрасте освобождает дух. Без слова человек не стал бы человеком, не было бы возможным его становление и развитие. «В начале было Слово». Осознавая бедственное положение речи, мы учимся заново постигать глубокую истину этих ветхозаветных слов. Не случайно в истории развития речи слова *Wort (слово)* и *Werden (становление)* восходят к корням, которые звучат почти одинаково. В творческом слове всегда скрыта сила становления в смысле приведенного выше «переворачивания». Все, что живет в мыслях и чувствах говорящего, речь «выворачивает» до слышимых внешних звуков, которые по воздуху достигают слушающего. В нем феномены звука снова превращаются во внутреннее восприятие понятий и ощущений. Слово переворачивает сверхчувственное в чувственное и наоборот. Но эта изначальная сила слова не действует через машины. Ей необходим человек, который сам становится передатчиком Слова.

Только тогда она может сопровождать Я ребенка из сверхчувственных миров в мир чувств, только тогда из мира чувств может она освободить сверхчувственные силы, необходимые ребенку для соединения души, духа и тела. У взрослого человека есть возможность встать на служение Мировому Слову, которое созидает, творит, формирует. И, тем не менее, он должен постоянно говорить себе: «Именно ко мне обращается слово и без меня оно не смогло бы действовать. Но не я источник его силы. Меня самого слово сделало человеком, и его силу я передам ребенку, который стремится стать человеком».